

Гражданская война в устных свидетельствах и воспоминаниях жителей села Кын-завод*)

Из воспоминаний Зои Ивановны Гуляевой, племянницы Татьяны Ивановны Старковой (1901–1986 г.г.)

В 16 лет Татьяна Ивановна ушла сестрой милосердия в Красную Армию и воевала в отряде венгров - «интернационалистов» под командованием Бела Куна. Прошла всю гражданскую войну, имеет награды. Из-за ранения Татьяна Ивановна так и не вышла замуж. Вместе с русскими в отряде Бела Куна воевали венгры, австрийцы и даже китайцы. Татьяна Ивановна так описывала ст. Кын:

«В то время она представляла собой железнодорожное полотно с вокзалом. На верхней стороне железной дороги стояло несколько жилых домов казарменного типа, так называемые «жёлтые дома». После того, когда белые в очередной раз захватили станцию, они жестоко расправились с отрядом «интернационалистов». Их расстреляли. Колочая проволока, которой был обнесен пакгауз (склад на станции), была в крови. Трупы сбрасывали прямо в болотистую местность, заросшую кустарником, рядом с железнодорожным полотном. На месте современного поселка стоял хвойный лес.

Только тогда, когда красноармейцы захватили ст. Кын, они смогли похоронить тела погибших. Таким образом, памятник у дороги - братская могила, в которой похоронено около 70 казненных «интернационалистов».

Из воспоминаний Владимира Васильевича Рачева (1900-1933 г.г.) и Александры Федоровны Рачевой (1902-1973 г. г.)

Владимир Рачев был ещё молодым парнем, когда началась гражданская война. Ежедневно общаясь с разными людьми, он слышал о событиях, происходящих в стране. Сердце подсказывало, что его место с большевиками. Когда у красных в Кыну сложилась сложная обстановка, он вызвался идти с донесением в Серебрянку. Чтобы попасть туда, требовалось пройти немало километров горными тропами, перерезанными белогвардейцами. Как ни остерегался связист - разведчик, белогвардейцы схватили его. Допрашивали Владимира в деревне Бабенки. Допрос вел колчаковский поручик. Он расспрашивал пленного, с какой целью тот шел в Серебрянку, о численности и вооружении отряда, о кыновлянах, сочувствующих большевикам. Парень упорно молчал. Разъяренный его упорством, офицер приказал солдатам колоть разведчика штыками. Шестнадцать штыковых ран нанесли палачи юноше. Но и после этой пытки Рачев не выдал тайны о силах кыновского красноармейского отряда, не назвал имена тех, чьи симпатии были на стороне красных.

- На такого и пули жалко,- закричал взбешенный офицер и приказал прикончить пленного.

Учинив зверскую расправу, белые ушли.

Но семнадцатый удар штыком, к счастью, оказался не смертельным. Очнулся Владимир, когда вокруг него уже никого не было. Собрав остатки сил, он пополз в Кын, оставляя на земле кровавый след. По дороге встретился Владимиру хороший человек - сельский фельдшер Яков Федорович Дылдин. Положив юношу на телегу со снопами, он привез его в родительский дом, где раненого сына родители спрятали в погребе. Рана в правом боку так и не зажила. В 33 года Рачев умер, оставив жену вдовой и 6-х детей сиротами.

Родной брат Владимира Василий в это время служил у белых, так в одной семье братья оказались врагами.

Среди жителей были люди, помогавшие красным. Однажды белогвардейцы согнали на площадь весь народ и велели выдать женщину Екатерину Афанасьевну Петрову, которая прятала раненых красноармейцев. Но люди молчали, и тогда белые приказали расстреливать каждого 5 человека. Мать Александры Федоровны оказалась, к счастью, третьей, бабушка - четвертой.

**Из воспоминаний Ираиды Алексеевны Паршаковой,
дочери Дылдиных Алексея Григорьевича (1899-1963 г.г.)
и Людмилы Дмитриевны (1897-1971 г.г.)**

Семья Дылдиных имела добротный обустроенный дом с несколькими комнатами. В нем останавливались на постой то белые, то красные, т.к. село Кын переходило из рук в руки 7 раз. Алексея Григорьевича по ложному обвинению белые повели на расстрел, и только благодаря вмешательству одного из офицеров, квартировавших в доме, смертная казнь была отменена.

На вопрос о том, как население относилось к белым и красным, И.А. Паршакова, ссылаясь на слова матери, рассказывала: «Простые жители села совсем не разбирались в происходящих событиях, их охватывал страх при любых военных действиях как белых, так и красных. Расстрел мирного населения производили только белые. Однажды они открыли огонь на поражение в выбежавших из школы учеников, но, к счастью, никто не пострадал, а из-за стрельбы без приказа командира несколько рядовых чинов были наказаны».

Из воспоминаний Маргариты Александровны Новиковой

«Мой свекор Алексей Иванович Новиков (1895-1966 г.г.), житель деревни Грязнуха, рассказывал о расстреле молодого красивого белого офицера красноармейцами на лесной дороге в месте, называемом жителями деревни «Елашка». После ухода красных жители не посмели даже насыпать холмик на месте гибели белогвардейца. Почти все жалели, что он погиб таким молодым... Алексей Иванович помнил также о гибели трех моряков, повешенных белогвардейцами у пакгауза на станции Кын».

Из рассказов Елены Ивановны Тяпугиной

«Моя мама, будучи совсем юной девочкой, в годы гражданской войны жила в деревне Ледянка, что в семи километрах от ст. Кын Лысьвенского района Пермского края. За укрывание красноармейцев белые выстроили все немногочисленное население этой деревни на расстрел. Родители, надеясь, что их дочь пощадят, в последний момент отдали ей все свои сбережения, завернутые в платочек. К счастью вовремя подоспел конный отряд красноармейцев, и мирное население Ледянки было спасено... Все очевидцы событий отмечают, что отряды красноармейцев были хуже вооружены и одеты по сравнению с белогвардейцами. Имели место случаи, когда красным приходилось забирать у населения продукты питания и лошадей, так как с наступлением осени положение Красной Армии ухудшалось с каждым днем».

Из воспоминаний Игоря Леонидовича Югова

«В гражданскую войну моей бабке было 15 лет, она 1903 года рождения. Она так говорила: «Не верь, когда белых ругают. Белые, если что у крестьян брали, то всегда платили». Когда белые стояли в Кыну в 1918 году, моя бабка жила на Долгом Лугу. Заболела у нее зубы, пошла к врачу. На окраине Кына – белая застава. Пропустили ее. Врач, офицер в погонах, зуб ей вылечил, а на следующий день – и второй...»

А когда пришли красные, то плененных белых офицеров расстреляли на Мерзлой горе. Отвели их к полевой меже, что по дороге в Кошкину, и там расстреляли, там и зарыли. Было офицеров четверо.

А в деревне Деменево местный мужик навел ночью белых на красных солдат. Они ночевали в овине. Белые ночью пробрались и штыками покололи красных.

У жены моей, Татьяны Александровны, дед в мировую войну воевал, вернулся с крестами на груди. Когда началась гражданская война, он не пошел ни к белым, ни к красным, в лес ушел, там всю войну и прятался, жил охотой».

Из воспоминаний Тамары Ивановны Клячиной (Лежневой)

«Фамилия наша Лёжневы, по преданию, французского происхождения. Был такой пленный француз ле Жен. Он попал в Россию во время какой-то войны, женился на нашей девушке, отсюда и пошли Лежневы.

В революцию и гражданскую войну мой дед был за красных. Работал он в то время на Лысьвенском заводе. Отправили его большевики в Кын создавать большевистскую ячейку – в Кыну ведь много было рабочих с бывшего Строгановского завода. Летом 1918 года пришли колчаковцы, и дед ушел в лес, но по ночам иногда в дом наведывался. На Долгом Лугу жил кержак Авдейка Арапов, хозяйство у него было большое, богатое. Он, говорят, и донес на деда. Тут его и арестовали, увезли на станцию Кын и расстреляли у железнодорожного полотна, где сейчас памятник. Там не только венгров расстреляли, но и наших, кто был за красных. Моя бабушка убежала к родне в деревню Зимняк, это в восьми километрах от Кына, там спасалась от белых. Потом, когда колчаковцев прогнали навсегда, она в Кын вернулась, настояла, чтобы имя ее мужа появилось на памятнике, что стоит при въезде в Кын. Имя деда там, а могила его на станции Кын под железнодорожным полотном».

Из воспоминаний Степаниды Лазаревны Елоховой

«Родом я из деревни Ломовки, сейчас ее нет. Место шибко красивое, все вспоминаем, тоскуем по ней. Одно плохо: мерзлое оно, верхнее. Там даже картошка замерзала часто...

В революцию красные повесили отца на станции. Был он знатным охотником и рыбаком. Все лесные тропки знал. Он, конечно, догадывался, что белые или красные могут использовать его в качестве проводника. Потому и убежал к странникам, в скиты, к «накрытым-то». Он леса знал, ведал, где скиты стоят. Уехал к ним на время, а без работы сидеть не будешь. Он бы там лапти плести стал, а котачежок не взял с собой. Домой за котачегом приехал на время коротенькое. Мама рассказывала: «Сидим мы за столом, обедаем, а тут солдаты явились, как потом оказалось, белые: «Веди нас прямой дорогой». А попробуй откажись, расстреляют на месте. Он их провел. Круговой дорогой 27 километров было, а напрямую - 15. Потом красные его встретили и повесили в 1918 году...».

Из воспоминаний Нины Николаевны Желонко

«...Мой дед, Иван Дылдин, а с ним и Шостин, были расстреляны белыми в 1918 году...»

*)Учитель Кыновской школы № 65 С.А.Гринкевич собрал обширный краеведческий материал, посвященный своей малой родине. Совместно с ученицей А.Дергачевой он провел исследование на тему «Кровавый калейдоскоп гражданской войны (Гражданская война на ст.Кын, в селе Завод Кын и его окрестностях)». С точки зрения авторов, в историографии о гражданской войне имеются неточности, поскольку историю этой войны писали победители. Авторы считают, что методы борьбы «белых» и «красных» были сходны. Этот тезис они подтверждают данной статьей. – Ред.